

Из старого альбома

Знаешь, как это? — Милень
— 1991 — 31 авг.

...«Господи! — сказал я по ошибке, Сам того не думая сказать...»
И — дальше:
«Имя Божье, как большая птица, Вылетело из моей груди»...
Нечаянно. — Но я никогда не дерзну назвать себя верующей, и это — молитвой».

Всю жизнь Марина Ивановна сохраняла к вере целомудренное отношение и к слабым себя не причисляла. И последний ее Поступок — не слабость. Перед тем, как переступить границу между жизнью и смертью, оставила три записи. Привожу их полностью.

Первая — 16-летнему сыну:
«Мурлыга! Прости меня но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что

«ТЕБЕ — ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ»

— Через летейски воды
Протягивая две руки.

Марина ЦВЕТАЕВА.

7 АВГУСТА 1921 года не стало Александра Блока. 31 августа 1941 года ушла из жизни Марина Цветаева.

Чем дальше от нас эпоха, в которую жили и творили эти два поэта, тем ближе и современной их творчество. Сегодня, на исходе века, когда подводятся его итоги, ощущается настоятельная потребность в стихах Блока и Цветаевой.

В моей душе, как келья душной,
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла...

Цветаева была моложе Блока на 12 лет. Видела его только дважды на литературных вечерах в Москве в 1920 году. Прямое литературное влияние на нее поэт не оказал, но к этому времени уже был написан цикл стихов, посвященных Блоку. Вот одно из них:

...Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.
И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь...

2 мая 1916 г.

Согласитесь, непривычные для Цветаевой кротость и смирение. Что это? Очередной придуманный миф или... Однако, для того, чтобы понять состояние души Цветаевой в период создания блоковского цикла, обратимся к самому поэту:

Когда в листве сырой
И ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой
Вобьет в ладонь последний
Гвоздь, —
Когда над рябью рек
Свинцовый,
В сырой и серой вышоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —
Тогда просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь
Предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Но мне плывет в челне
Христос.
В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.
Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И член твой — будет ли причален
К моей распятия высоте?
1907 г.

Цветаева не могла не знать этих стихов. «Открой мои книги: там сказано все, что свершится...» — обостренное чувство времени, жертвенного предназначенья поэта, присущие Блоку, не давали покоя и молодой Цветаевой. В предисловии к третьей книге стихов 1913 года она пишет: «Все мы пройдем. Через пятьдесят лет все мы будем в земле. Будут новые лица под вечным небом. И мне хочется крикнуть всем еще живым: «Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох!»

Слух Цветаевой уже тогда улавливал и «подземный шо-

рох истории», и «новый порыв мирового ветра». Чувство быстротечности жизни, приближающихся исторических катаклизмов задали определенный трагический тон цветаевской лирике. Блок помог ей утвердиться в правильности взятой тональности:

Сбылось пророчество мое:
Перед грядущей могилой
Еще однажды тайной силой
Зажглось святилище Твое.
И весь исполнен торжества,
Я упоен великой тайной
И твердо знаю — не случайно

Сбывались вестные слова.

Я не могу согласиться с исследованием творчества Марины Цветаевой А. Саакянц в толковании — о мемуаров А. Эфрон в той части, где литературовед пишет о якобы «ухоре Цветаевой от действительности в течение почти целого года — с осени 1918 по лето 1919-го». Написанная Мариной Цветаевой в этот период «Метель» — такое же исполненное душой произведение, как «Ариадна» и «Федра». Всю жизнь Цветаева писала «по заказу» только Души, и даже во времена «прибежища в театральном балагане» не отрывалась от действительности. А о глубинном ее проникновении в сущность явлений свидетельствует все творчество, в частности, следующий отрывок из книги «Земные приметы»:

«Надо, в Революции, многое запереть на ключ: все, кроме сундуков! И, заперев, закинуть этот ключ... но и моря такого нет!

Нет, заперев, молча и мужественно вручить этот ключ — Богу.

Бог я произношу, как утопающий: вздохом. Смутное чувство: не надо Бога тревожить (звать), когда сам можешь. А «можешь» с каждым днем растет...

Есть у Мандельштама об этом изумительный (отроческий) стих:

я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик».

Поэту Н. Н. Асееву:
«Дорогой Николай Николаевич!

Дорогие сестры Синяковы! Умоляю Вас взять Мура к себе в Чистополь — просто взять его в сыновья — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю.

У меня в сумке 150 рублей и если постараться распродать все мои вещи.

В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы.

Поручаю их Вам, берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына — заслуживает.

А меня простите — не вынесла. М. Ц.

Не оставляйте его никогда. Была бы без ума счастлива, если бы он жил у вас.

Уедете — увезите с собой.

Не бросайте»

И третья — к братьям-писателям:

«Дорогие товарищи! Не оставляйте Мура. Умоляю того из вас, кто может, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему и с багажом — сложить и довести в Чистополь. Надеюсь на распродажу моих вещей.

Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мною он пропадет. Адр. Асеева на конверте.

Не похороните живой! Хороненько проверьте».

Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли? Заготавливайте — чан! Я державную рану отдам до капли! (Зритель бел, занавес рван). И, тогда — сострадательным покрывалом — долу, знаменем прошумя. Нету тайны у занавеса — от зала. (Зала — жизнь, занавес — я). М. ЦВЕТАЕВА. Занавес.

Прошло 50 лет с того рокового дня. За тайной жертвенного занавеса миру открылся удивительный Поэт. Поэт, чья жизнь — творчество — смерть органично сплелись, и сплав этот оказался высочайшей пробы Поэзией.

Геннадий ШАРЫЙ.

НА СНИМКАХ: Сергей ЭФРОН и Марина ЦВЕТАЕВА, 1911; крест, установленный А. И. Цветаевой в 1960 г. в предполагаемом районе захоронения.

